

28. Foucault M. Die Sorge um sich, Sexualität und Wahrheit / Michel Foucault. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1989. – Band 3.– 315 s.
29. Fraser N. Foucault on modern power: Empirical insights and normative confusions / Nancy Fraser // Praxis international. – Volume I. – pp. 272-287.
30. Göhler G. Symbolische Macht. Zur institutionen theoretischen Bedeutung von Pierre Bourdieu / Gerhard Göhler, Rudolf Speth // Institutionen und Ereignis: über historische Praktiken und Vorstellungen gesellschaftlichen Ordens / [Reinhard Blänkner, Bernhard Jussen (Hrsg.)]. – Göttingen, 1998. – S. 17-48.
31. Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur Moralischen Grammatik sozialer Konflikte / Axel Honneth. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 2010. – 340 s.
32. Kraus B. Soziales Feld, Macht und kulturelle Praxis. Die Untersuchungen Bourdieus über die verschiedenen Fraktionen der «herrschenden Klasse» in Frankreich / Beate Kraus // Klassenlage, Lebensstil und kulturelle Praxis / [Klaus Eder (Hrsg.)]. – Frankfurt/Main, 1989. – S. 47-89.
33. Lemke Th. Eine Kritik der politischen Vernunft. Foucaults Analyse der modernen Gouvernementalität / Thomas Lemke. – Hamburg : Argument, 2011. – 408 s.
34. Miller M. Systematisch verzerrte Legitimationsdiskurse. Einige kritische Überlegungen zu Bourdieus Habitusstheorie / Max Miller // Klassenlage, Lebensstil und kulturelle Praxis / [Klaus Eder (Hrsg.)]. – Frankfurt/Main, 1989 – S. 191-219.
35. Müller H.-P. Kultur, Geschmack und Distinktion. Grundzüge der Kulturosoziologie P. Bourdieus / Hans-Peter Müller // Kultur und Gesellschaft. Sonderheft der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / [Neidhardt E., Lepsius M. R., Weiß J. (Hrsg.)]. – Opladen, 1986. – S. 162-190.
36. Poulantzas N. L'Etat, le Pouvoir, le Socialisme / Nicos Poulantzas. – Paris : Les Prairies ordinaires, 2013. – 387 p.
37. Rabinow P. Michel Foucault. Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik / Paul Rabinow, Hubert L. Dreyfuß. – Frankfurt/Main : Beltz Athenäum, 1994. – 327 s.
38. Schwingel M. Analytik der Kämpfe. Macht und Herrschaft in der Soziologie Bourdieus / Markus Schwingel. – Hamburg: Argument, 1993. – 280 s.
39. Schwingel M. Pierre Bourdieu zur Einführung / Markus Schwingel. – Hamburg: Junius Verlag, 2000. – 181 s.
40. Taylor Ch. Foucault on Freedom and Truth / Charles Taylor // Foucault: A critical reader / [ed. by David Couzens Hoy]. – Oxford, 1986. – pp. 69-102.

УДК 1(091)(430)

Терещенко Ю. Д.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

НАЗАД К ГЕГЕЛЮ: О СПОСОБАХ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Предмет исследования – творческое наследие Г. В. Ф. Гегеля. Изучая ранние работы Гегеля, автор обнаружил, что они не только являются значимой частью гегелевского наследия, необходимой для правильного прочтения и понимания работ зрелого Гегеля, но и представляют собой часть особого комплекса специфических духовных упражнений. В статье осуществлена попытка рассмотрения Вильгельма Гегеля через тройную оптику: молодой Гегель – зрелый Гегель, Гегель – Вильгельм Дильтей, Гегель – Пьер Адо. По мнению автора, такой взгляд способен разрушить ряд грубых предрассудков, касающихся творческой истории апостола спекулятивного идеализма.

Ключевые слова: Г. В. Ф. Гегель, немецкая классическая философия, В. Дильтей, П. Адо, духовные упражнения.

Предмет дослідження – творча спадщина Г. В. Ф. Гегеля. Вивчаючи ранні роботи Г. В. Ф. Гегеля, автор виявив, що вони не тільки є значущою частиною гегелівської спадщини, необхідною для правильного прочитання і розуміння зрілого Гегеля, але й являють собою частину

особливого комплексу специфічних духовних вправ. У статті здійснена спроба розгляду робіт Вільгельма Гегеля через потрійну оптику: молодий Гегель – зрілий Гегель, Гегель – Вільгельм Дільтей, Гегель – П'єр Адо. На думку автора, такий погляд здатний зруйнувати ряд грубих забобонів, що стосуються творчої історії апостола спекулятивного ідеалізму.

Ключові слова: Г. В. Ф. Гегель, німецька класична філософія, В. Дільтей, П. Адо, духовні вправи.

The subject of research is a creative heritage of G. V. F. Hegel. By studying the early works of Hegel, the author demonstrates that they are not only important part of the Hegel's heritage, which is a necessary for correct reading and understanding of mature Hegel, but also represents part of a special set of specific spiritual exercises. The article made attempt of consideration by Hegel triple optics: the young Hegel – mature Hegel, Hegel – Wilhelm Dilthey, Hegel – Pierre Ado. According to the author, such a view is able to destroy a list of a gross prejudice concerning the creative history of the Apostle of speculative idealism.

Keywords: G. W. F. Hegel, the German classical philosophy, W. Dilthey, P. Ado, spiritual exercises.

Уместны ли исследования писаний апостолов спекулятивного идеализма *после оргии*, после конца концов, после *смерти автора, смерти субъекта*, смерти философов и *философии*? Есть ли смысл в том, чтобы отвлекаться от *тирании покаяния* и активного культивирования ненависти ко всему западному в западном мире [1], выходить из *тени молчаливого большинства* [2], пытаться собрать осколки объективного разума, вспоминая о проблематике, которая ранее являла собой классический философский дискурс, т. е. поиск вариантов соотношения *бытие – мышление – объективный, субъективный разум*? Как отряхнуть Гегеля от налета забвения, вывести этот гений из режима *почитаемых, но нечитаемых*? Может быть, стоит оставить гегелевское наследие в руках академической истории философии и сделать его тем самым предметом исключительно архивного интереса?

Все эти вопросы носят, конечно, совершенно риторический характер, поскольку непрекращающаяся напряженная, хотя и часто скрываема, полемика современного философствования со своим классическим прошлым свидетельствует о важности и актуальности этого прошлого для современной и будущей философии.

Если перед нами возникает проблема актуализации гегелевского наследия, представления его в таких исследовательских форматах, которые введут его в современность в качестве живой субстанции, мы предлагаем разрешать ее следующим образом: использовать методологический прием, которым пользовались уже не раз – обратиться к феномену, который традиционно называют «Молодой Гегель». Актуальный интерес к описываемым вопросам родился у нас в связи с выходом в свет работы В. Дильтея «История молодого Гегеля» в переводе на украинский язык, выполненном Алексеем Литвиненко [3].

В ходе прочтения «Истории молодого Гегеля», ранних работ Гегеля и критической литературы об этом периоде его жизни и творчества, нами была обнаружена *проблема*, заключающаяся в том, что после острого исследовательского интереса к молодому Гегелю в XX веке, наступило резкое падение интереса к философскому старту великого классика. Кроме того, сегодняшнее философское пространство редко заботится об осведомленности в отношении своего философского прошлого в лице Гегеля, но мы убеждены, что именно он предопределяет сегодняшний и завтрашний день философии. Чтобы устранить обозначенную несправедливость, следует рассматривать работы Гегеля в качестве практики *духовных тренировок*, что не подлежат обветшанию.

Сегодня гегелевские тексты по преимуществу воспринимаются как носители весьма специфической информации. Такое восприятие убивает Гегеля как Гегеля, обезличивает и унижает невероятный гегелевский проект, располагает его проектное поле в одном ряду с проблемными полями социологии, психологии, психотерапии, антропологии, этнологии, истории и т. д. Такое положение продиктовано не только неверным пониманием Гегеля, но и особенностями зрелой гегелевской философии, что являет всеобъемлющую систему. Во всеобъемлющей системе обнаруживаются вопросы, относящиеся к любой области знания и познания. По мотивам гегелевской мудрости рождаются подтасованные теории и их несостоятельные обоснования.

Мы предлагаем отойти от того способа восприятия гегелевской философии, что обозначен выше, допуская мысль о существовании философии Гегеля как *духовной практики*.

Если Гегель существует как духовная практика, то исток этой практики живет в ранних гегелевских текстах. обстоятельное понимание всего, что написано Гегелем в «Феноменологии духа» и после нее, невозможно без знакомства с тем, что написано до зрелого периода творчества Гегеля.

Описываемый ракурс исследования привел нас к недооцененному эвристическому потенциалу дильтеевских сюжетов о молодом Гегеле, и в результате мы обнаружили трудности осуществления попыток понимания гегелевской философии, исходя исключительно из ее состоявшейся структуры. Для входа нужны подсказки, лучше всего, если эти подсказки написаны Гегелем в ранний период творчества. Ведь зрелая гегелевская философия «<...> представляется гладким шаром, который скорее можно катить, чем изловить. В ней сломаны подмости, с помощью которых воздвигнуто здание, и все входы и выходы к этому зданию идей засыпаны мусором. С помощью одного только средства можно в него проникнуть. Этим ключом мы владеем только потому, что шли за нашим философом по пути его ученых занятий и его развития, и вместе с тем перед нами постепенно раскрывалась самая сокровенная сущность его безмятежных мыслей и ощущений» [4, с. 66-67].

Отказ от *осуществления* себя обычно значит как нечто антигуманное, хотя практикуется повсеместно. Мы предлагаем осуществлять себя Гегелем, находя вход в его философию в структуре ранних работ.

История западной философии неоднократно предпринимала попытки, подобные нашей. Многое из «раннего Гегеля» было обнаружено Вильгельмом Дильтеем, существовало в виде черновиков, заметок и набросков. Дильтей осуществил грандиозную работу, исследовав и проанализировав множество архивных материалов. Однако первооткрывателем истории молодого Гегеля он не был.

Первым на этом проблемном поле должен был стать Эдуард Ганс, один из ближайших учеников Гегеля. Скоропостижная смерть не дала Гансу осуществить задуманное, поэтому за дело принялся Карл Розенкранц [5]. Розенкранц впервые обратил внимание на то, что гегелевская философия – это не только критика и не только логика. В своем исследовании Гегеля Розенкранц занимался религиозной философией Гегеля, а для нашего исследования он примечателен тем, что он впервые обратил внимание на существенность молодого Гегеля.

За Розенкранцом последовал Густав Фердинанд Таулов. Как свидетельствует Н. С. Плотников [5], Таулов работал с материалами, которые подготовил Розенкранц, создав сборник высказываний Гегеля о воспитании. Он опубликовал те рукописи молодого Гегеля, которые ранее были известны только по названиям. Так была создана Таулова антология педагогических работ Гегеля (выписок и пометок из книг). Это уникальная работа, так как многие тексты, наброски и заметки молодого Гегеля ныне утрачены. Отметим, что перевод работы Густава Таулова, на русский язык или украинский язык не осуществлен.

За Тауловым следует Рудольф Гайм, работа «Гегель и его время» [4] которого заслуживает внимания не только в виду включения в себя огромного фактического материала о Гегеле, но и потому, что данный текст является превосходной иллюстрацией того, что есть *метафизическое переживание* в отношениях Гайм – Гегель, личная вовлеченность Рудольфа Гайма в *дело Гегеля*. Отношения Гайма и Гегеля, отношение Гайма к Гегелю – это история ненависти, восхищения и разочарования, пути и поиска. Читая Гайма, мы чувствуем личную вовлеченность в гегелевскую мысль, участие в ее судьбе, дальнейшее разочарование и враждебность. Известно, что с 1845 года Рудольф Гайм становится решительным противником гегельянства, а книга «Гегель и его время» была написана Гаймом в 1857 году.

Хронологически за Гаймом следует Вильгельм Дильтей, который наглядно показывает зарождение теоретического и систематического мышления молодого Гегеля: Гегелю суждено стать *событием* и *конверсией* [6; 7].

Исследователи и сегодня занимаются разработкой точной биографии Гегеля. В качестве примера возьмем книгу Жака Д'Онта [8]. Этот текст был опубликован совсем недавно, в русском переводе он увидел свет в 2012 году. Там обнаруживаем следующее: Гегель становится философом тогда, когда в свет выходит «Феноменология духа». Такая позиция кажется предельно необоснованной. Мы настаиваем на существовании Гегеля-философа до «Феноменологии духа», основываясь на работе исследователя, который собственноручно

разбирал архивные рукописи молодого Гегеля. Конечно, речь о необходимом возврате к Дильтею.

Общеизвестно, что детство и юность Гегеля не являются предметом жарких споров и пересудов: перед нами послушный, дисциплинированный и тихий мальчик из Швабии, в котором никто не видит зародышей гениальности, совсем не Моцарт или Шеллинг. Кстати говоря, Шеллинг станет заклятым другом Гегеля, а после – его непримиримым врагом. В этот период Гегеля называют «учеником Шеллинга» [8], но данное суждение – только фрагмент Гегеля того времени. С большой уверенностью можно сказать, что Гегель в то время – ученик Лессинга, Монтескье, Руссо, Якоби, Канта, ученик Фихте, Шторра и Карла Филиппа Гонца.

Теперь о ранних работах Гегеля. Самая известная из них – «Жизнь Иисуса» – история жизни и смерти Иисуса Христа, рассказанная Гегелем. Прежде чем перейти к изложению дильтеевской интерпретации гегелевского текста об Иисусе, обозначим следующий момент, который для тех, кто знаком исключительно с творчеством позднего Гегеля, может показаться насмешкой: это невероятная легкость, ясность и пластичность языка текстов молодого Гегеля. Язык Гегеля начинает набирать вес, неприступность и недосыгаемость тогда, когда Гегель вплотную подходит к системе. Каждому из читателей понятно, о чем говорит Рудольф Гайм, когда характеризует язык позднего Гегеля таким образом: «Никогда, может быть ни прежде, ни после Гегеля, ни один человек не говорил и не писал таким языком» [4, с. 66]. От работы к работе, от историка к историку, от мнения к мнению кочуют обвинения Гегеля в том, что он нечитабылен. Мы склонны считать, что то, что кажется нечитабыльностью, на самом деле существует как один из ключевых элементов духовного упражнения, что представляет собой Гегель.

«Жизнь Иисуса» – это не юношеское упражнение в словесности, а попытка спасти провалившийся проект Христа. Христос смог изменить к лучшему немногих, христианство выродилось в позитивную религию, религию фальши и фетиша, набора бессодержательных идеалов. Гегель смолоду мыслит за всех: ему нужно разрабатывать идеи, которые спасут судьбу мира, он сделает то, что не смог сделать Иисус Христос. Дело Гегеля оздоровит целый мир посредством народной религии, религии моральной и разумной. Два основания такой религии: практический разум и Любовь. Практический разум даст человеку способность единолично властвовать над своей свободой. Любовь – «главный принцип эмпирического характера», она подобна разуму, «проявляющаяся себя в каждом существе», она есть то, что вечно присутствует в других, она воспитает мораль и станет ядром государства. Задачи, которые не относятся к судьбе мира, Гегеля не интересуют: проект божественного не был реализован в силу определенных причин, отчасти по вине «ленивой иудейской надежды на приход Мессии», отчасти по вине апостолов, отчасти по божественному промаху. Гегель слышит зов, который призывает его спасти положение, в котором оказалось человечество, и отвечает на него. [см.: 13]

Отказываясь от внешнего, литературного метода, Дильтей и пытается всмотреться в Гегеля сквозь *метафизическое переживание* и *метафизический опыт*, он учит нас способу обнаружения той грани философской действительности, которая не была обнаружена мыслителями ранее, и обнаружение этой грани суть метафизическое переживание. Совокупность таких переживаний – метафизический опыт. Так миру является гений Гегеля как метафизика. Гегель и его современники стремились снять противоречие между трансцендентным и имманентным, божественным и мирским, разумом и позитивностью. Жажда объективного, всеобщего, всеобъемлющего знания душила Гегеля с юности. Эту жажду он сумел трансформировать в развитие свое духа и собственного философствования. Следуя дорогой Гегеля, можно осуществить себя.

Все вышеизложенное – не фундаментальное исследование ранней гегелевской философии, но попытка поиска корней зрелой философии Гегеля в его ранних опытах. Нам необходимо было доказать существование ранних гегелевских текстов в качестве первого этапа *переоткрытия* Гегеля как вида духовных упражнений.

Итак, зрелый Гегель – духовная тренировка, молодой Гегель – серьезная интеллектуальная разминка перед ней. Иное непредставимо, ведь в сознании читателей и исследователей присутствует круглосуточная диалектика Гегель – Гегель: Гегель таков, каким его привыкли считать в пору философской зрелости, и Гегель до нее; Гегель понят – Гегель не

понят; Гегель – раб и Гегель – господин. Главным образом, гегелевская философия ассоциируется именно с диалектикой. Диалектика в структуре философии существовала за десятки веков до Гегеля, но так, как она существовала у Гегеля, она не существовала никогда, и это, по нашему мнению, нельзя не считать великолепной духовной практикой для становящегося сознания.

На примере ранних работ Гегель учит нас примерять на себя облачение всеобщего. Он спасет самого Иисуса Христа. Даже И. Кант, чьи отголоски угадываются в гегелевском проекте народной религии, всегда был более скромнен в задачах и целях, чем Гегель. Можно назвать Вильгельма Гегеля заносчивым молодым выскочкой, а можно обозначить его установки как упражнение по примерке на себя бытия всеобщего: «Все сущее – увековечить, безличное – воочеловечить, несбывшееся – воплотить» [9].

Продублируем мысль о том, что гегелевская система изложена уникальным языком. Возможность включиться в устройство этой системы путем *вживания* в гегелевский текст – дополнительный аргумент в пользу существования Гегеля как духовной практики.

Исходя из вышеизложенного, поразительным представляется то, что Пьер Адо в своих работах о духовных упражнениях упоминает Гегеля мимоходом, о существовании философии Гегеля как комплекса духовных практик он не говорит вовсе, хотя именно Гегель, как никто другой, вписывается в концепцию, предложенную Адо. С другой стороны, Адо не ставит перед собой задачу рассмотрения всей истории западной философии, ведь он концентрируется на философии античности. Однако теория Адо, перенесенная в пространство исследований гегелевского наследия, дает возможность его детального рассмотрения в новом ракурсе.

Каждому, кто приступает к исследованию гегелевской мысли, очевидно несовершенство любого подхода к ней. Все вышеизложенное нами, особенно в отношении теологических проблем, волнующих молодого Гегеля, – полная противоположность тому, на чем настаивает Д. Лукач в работе «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» [10]. Мы описывали попытки Гегеля спасти проект Христа, Лукач пишет о том, что теология для Гегеля – «необходимость иметь кусок хлеба».

Наша работа, тем не менее, не посвящена полемике с критиками Дильтея и его единомышленников. Она посвящена попыткам придать гегелевской философии насущный характер: через Гегеля стать собой, посредством Гегеля как духовной практики обнаружить *пространство-для-себя* в структуре философской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паскаль Б. Тирания покаяния: Эссе о западном мазохизме / Брюкнер Паскаль; [пер. с фр. С. Дубина]. – Санкт-Петербург : Ивана Лимбаха, 2009. – 256 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального : [электронный ресурс] / Жан Бодрийяр; [пер. с фр.]. – Режим доступа : <http://www.e-reading.club/book.php?book=73140>.
3. Дильтей В. История молодого Гегеля / Вильгельм Дильтей; [пер. з нім. О. Литвиненка; наук. ред. Ю. Кушаков]. – Київ : Три крапки, 2008. – 304 с.
4. Гайм Р. Гегель и его время / Рудольф Гайм; [пер. с нем. П. Л. Соляникова]. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 392 с.
5. Плотников Н.С. Молодой Гегель в зеркале исследований / Н.С. Плотников // Вопросы философии. – 1993. – № 11. – С. 29-57.
6. Бадью А. Манифест философии : [электронный ресурс] / Ален Бадью; [пер. с фр.]. – Режим доступа : http://royallib.com/book/badyu_alen/manifest_filosofii.html.
7. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пьер Адо; [пер. с фр. В. А. Воробьева]. – Санкт-Петербург : Степной ветер, 2005. – 448 с.
8. Д'Онт Ж. Гегель. Биография / Жак д'Онт; [пер. с фр. А. Г. Погоняйло]. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2012. – 511 с.
9. Блок А. О, я хочу безумно жить. Антология русской поэзии : [электронный ресурс] / Александр Блок. – Режим доступа : <http://www.stihi-rus.ru/1/Blok/97.htm>.
10. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества / Дьёрдь Лукач; [пер. с нем. С. Н. Мареев, А. Г. Новохатько, А. Г. Арзаканян, А. К. Фролов, А. П. Огурцов, В. С. Малахов; отв. ред. Т. И. Ойзерман]. – Москва : Наука, 1987. – 616 с.

11. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : [в 2-х т. ; Т. 1] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1970. – 668 с. – (Философское наследие).
12. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : [в 2-х т. ; Т. 2] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1971. – 630 с. – (Философское наследие).
13. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : [в 2-х т. ; Т. 1] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1975. – 532 с. – (Философское наследие).

УДК 316.42:004.5:17

Лазарева М. Л.

Львівський національний аграрний університет

НА ШЛЯХУ ДО ПОСТГУМАНІЗМУ, АБО РЕАЛЬНІ ТА ВІРТУАЛЬНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ СУТНІСНОГО Я

У статті аналізуються причини, які породжують прагнення людини модифікувати та вдосконалювати себе. Серед них: фізична та інтелектуальна обмеженість, смертність, технологічний прогрес, потреба визнання тощо. Досліджується взаємодія медичної та мас-медійної сфер, які, створюючи та популяризуючи феномен «комплексного здоров'я», стимулюють людину видозмінювати себе. Також розглядаються пластична та віртуальна хірургії, які відкривають перед людиною шлях до створення нового образу. Увагу сконцентровано на трансформаціях у світоглядних установках людини, пов'язаних зі зміщеннями між віртуальною та реальною площинами її існування.

Ключові слова: *постгуманізм, надлюдина, вдосконалення, мас-медіа, пластична і віртуальна хірургія.*

В статье анализируются причины, порождающие стремление человека модифицировать и совершенствовать себя. Среди них: физическая и интеллектуальная ограниченность, смертность, технологический прогресс, потребность признания и т. п. Исследуется взаимодействие медицинской и масс-медийной сфер, которые, создавая и популяризируя феномен «комплексного здоровья», стимулируют человека видоизменять себя. Также рассматриваются пластическая и виртуальная хирургии, которые открывают перед человеком путь к созданию нового образа. Внимание сконцентрировано на трансформациях в мировоззренческих установках человека, связанных со смещениями между виртуальной и реальной плоскостями его существования.

Ключевые слова: *постгуманизм, сверхчеловек, совершенствования, масс-медиа, пластическая и виртуальная хирургия.*

In the paper the causes that generate human's desire to modify and improve himself are analyzed. Among them: physical and intellectual limitations, mortality, technological progress, the need for recognition and so on. Examined the interaction between medical and mass media spheres, which, through creating and popularizing the phenomenon of «comprehensive health», stimulates human to modify himself. Plastic and virtual surgeries that open to a man the path to create a new image are also considered. Attention is focused on the transformations in human worldview settings, which are related to the displacements between the virtual and the real areas of his existence.

Key words: *posthumanism, superman, improvement, mass media, plastic and virtual surgery.*

Незважаючи на віру людства у свій духовний потенціал та вище призначення, людина сама по собі є досить крихкою структурою: ані її тіло (недосконале, кволе та смертне), ані її розумовий потенціал на сьогодні не використовуються на повну потужність. Проте це не означає, що цим еволюція людського виду й завершиться. Так, представники постгуманістичних концепцій (Р. Курцвейл, Е. Кларк, Н. Бостром, Д. Пірс та ін.) вважають, що сучасна людина – це лише перехідний етап до надлюдина, до істоти, яка в майбутньому зможе трансформувати не лише себе, але й увесь Всесвіт. Робототехніка, креоніка, нанотехнології,